

18+

СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ»

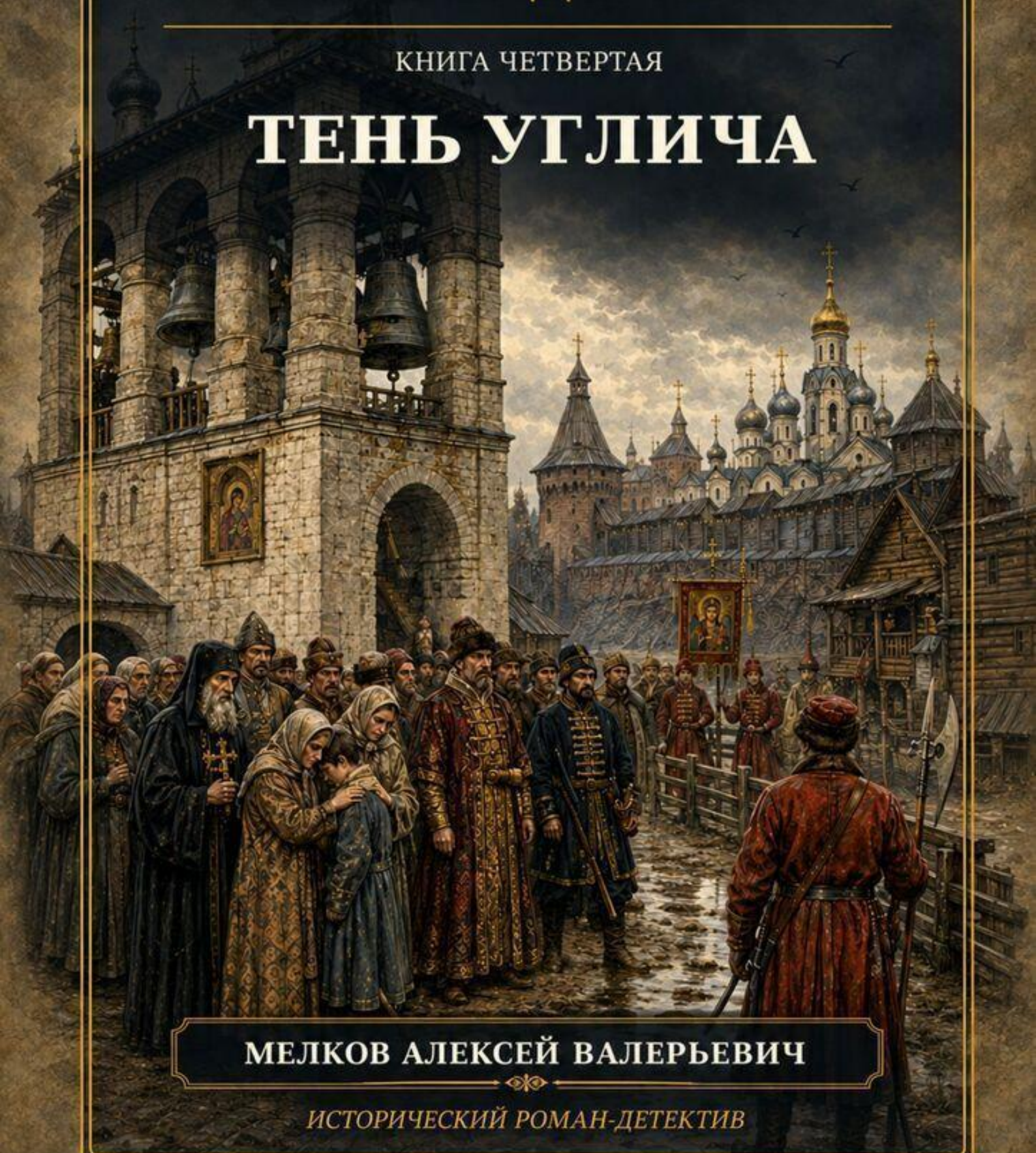
ГРОЗНАЯ ДЕРЖАВА

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ТЕНЬ УГЛИЧА

МЕЛКОВ АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН-ДЕТЕКТИВ

Алексей Мелков

**Грозная Держава. Книга
четвертая: Тень Углича**

«Издательские решения»

Мелков А. В.

Грозная Держава. Книга четвертая: Тень Углича / А. В. Мелков —
«Издательские решения»,

«Тень Углича» — исторический детектив о России после смерти Ивана Грозного: правлении Фёдора Иоанновича, возвышении Бориса Годунова и загадочной гибели царевича Дмитрия в Угличе. Главная интрига строится вокруг расследования смерти царевича: убийство или несчастный случай. На фоне борьбы боярских группировок, слухов, подмены свидетельств и политических интересов рождается легенда о спасшемся Дмитрии, которая затем приводит к появлению Лжедмитрия I, падению Годуновых и началу Смутного времени.

© Мелков А. В.

© Издательские решения

Содержание

СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ»	6
МЕЛКОВ АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ	7
ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН-ДЕТЕКТИВ	8
АННОТАЦИЯ	9
ПРОЛОГ	10
Колокол	11
Углич. Май 1591 года	12
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	14
ПОСЛЕ ГРОЗНОГО	14
Глава 1. Государь, который не был отцом	15
Москва. 1584 год	15
Глава 2. Пятеро	17
Глава 3. Бельский	18
Глава 4. Угличский удел	19
Глава 5. Борис	20
Глава 6. Первый след	22
Глава 7. Шуйский	23
Глава 8. Тихий царь	24
Глава 9. Патриарх	25
Глава 10. Северная война	26
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	27
УГЛИЧ	27
Глава 11. Пятнадцатое мая	28
Нож	28
Глава 12. Московское известие	29
Глава 13. Тимофей получает приказ	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Грозная Держава. Книга четвертая: Тень Углича

Алексей Валерьевич Мелков

© Алексей Валерьевич Мелков, 2026

ISBN 978-5-0071-2271-9 (т. 4)

ISBN 978-5-0071-1839-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ»

**МЕЛКОВ АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ
ГРОЗНАЯ ДЕРЖАВА
КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ
ТЕНЬ УГЛИЧА**

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН-ДЕТЕКТИВ

Мелков Алексей Валерьевич

Грозная держава. Книга IV. Тень Углича: исторический роман-детектив

Авторская редакция №1

Дата завершения редакции: 1 сентября 2026 года

© Мелков Алексей Валерьевич, 2026

Все права защищены.

Примечание автора. Роман является художественным произведением, основанным на событиях русской истории конца XVI — начала XVII века. Реальные исторические лица, общеизвестные события и документы соединены с художественной реконструкцией; персонажи Тимофей, Семён, Фёдор и связанные с ними детективные линии являются частью авторского замысла. Диалоги, частные мотивы и отдельные сцены реконструированы художественно.

АННОТАЦИЯ

После смерти Ивана Грозного Россия входит в эпоху, когда вопрос о власти оказывается тесно связан с вопросом о правде. На фоне царствования Фёдора Иоанновича и возвышения Бориса Годунова в Угличе погибает царевич Дмитрий. Расследование его смерти становится для Тимофея делом всей жизни: свидетели противоречат друг другу, память меняется, а политическая выгода заставляет разные силы требовать от следствия удобного ответа.

Спустя годы неясность Угличского дела возвращается в облике человека, называющего себя спасшимся царевичем. Голод, падение Годуновых, Лжедмитрий I, Марина Мнишек, заговор Василия Шуйского и первые годы Смуты превращают старое расследование в борьбу за самую историческую память. «Тень Углича» — роман о власти и доказательствах, о политической цене слуха и о том, почему государству бывает труднее выдержать честное «не знаю», чем удобную уверенность.

ПРОЛОГ

Колокол

Углич. Май 1591 года

Колокол ударил раньше, чем люди поняли, что произошло.
Один раз.
Потом второй.
Потом заговорил часто, страшно, без праздничного порядка — так звонили не к службе и не к приезду государева человека.
Звонили в беду.
Женщина, торговавшая у площади сушёной рыбой, подняла голову.
— Пожар?
Никто не ответил.
Со двора, где жил царевич, выбежал мальчик.
Лицо белое.
— Дмитрий!
Кто-то схватил его.
— Что Дмитрий?
Мальчик не мог сказать.
Только показывал рукой.
Через мгновение площадь уже двигалась.
Люди побежали к дворцу.
Кто в кафтане.
Кто без шапки.
Кто бросив товар.
Кто ещё не зная, зачем бежит, но понимая главное: если звонят так, случилось нечто, после чего город станет другим.
Во дворе лежал ребёнок.
Красная кровь на земле.
Рядом — нож.
Кто-то кричал.
Кто-то молился.
Женщина упала на колени.
Мария Нагая появилась так внезапно, что люди расступились сами.
Она увидела сына.
И закричала.
Этот крик оказался страшнее колокола.
— Убили!
Слово прошло через толпу.
Сначала один человек повторил:
— Убили.
Потом другой.
Через минуту это уже было не предположение.
Это была истина.
По крайней мере для площади.
— Кто?!
Назвали имя.
Потом второе.
Третье.
Люди схватили одного человека.

Он пытался объяснить.

Его уже не слушали.

Когда толпа получает ответ раньше вопроса, объяснение становится почти невозможным.

В кого-то полетело полено.

Кто-то ударил дубиной.

Колокол продолжал звонить.

Наверху у верёвки стоял человек, которому потом ещё много раз зададут вопрос: кто велел бить в набат?

Он будет отвечать.

Другие будут отвечать иначе.

Каждое показание запишут.

Каждое станет частью дела.

Но позднее окажется, что в деле о смерти царевича Дмитрия нет ни одной вещи, на которую все смотрели бы одинаково.

Нож.

Припадок.

Свидетели.

Убийцы.

Набат.

Кровь.

Даже положение тела.

А над всем этим будет стоять человек, находившийся далеко от Углича.

Борис Годунов.

Его имени ещё не произнесли на площади.

Но произнесут.

Потому что погиб ребёнок, который имел кровь Рюриковичей.

А когда умирает возможный наследник престола, случайная смерть почти сразу перестаёт быть только смертью.

Она становится политикой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОСЛЕ ГРОЗНОГО

Глава 1. Государь, который не был отцом

Москва. 1584 год

Когда умер Иван Васильевич, Кремль не опустел.

Напротив.

Он наполнился людьми.

Смерть государя обладает странным свойством: рядом с телом умершего начинают двигаться живые.

Одни молятся.

Другие плачут.

Третьи считают.

Кто будет первым возле нового царя.

Кто сохранит должность.

Кто получит приказ.

Кого отправят дальше.

Кого приблизят.

Кого теперь опасаться.

Тимофей стоял в коридоре и смотрел на лица.

Он уже был достаточно стар, чтобы понимать: самые важные события происходят иногда не в палатах, а перед дверями.

Вот боярин, который вчера проходил быстро, сегодня остановился и поклонился другому.

Вот дьяк, прежде ожидавший часами, теперь вошёл без долгого ожидания.

Вот человек Бориса Годунова разговаривает со стражей так, будто привык отдавать распоряжения.

Новым государем становился Фёдор Иоаннович.

Сын Ивана.

Законный наследник.

Но закон и способность править — разные вещи.

Фёдор был человеком иной природы.

Он любил молитву больше спора.

Колокольный звон больше пушечного.

Церковную службу больше военного совета.

Там, где отец входил в комнату и заставлял всех чувствовать его волю, Фёдор иногда словно просил пространство позволить ему существовать.

Но Тимофей не считал его глупым.

Это было слишком удобным определением.

Фёдор замечал многое.

Просто не всё из замеченного хотел превращать в приказ.

Рядом с ним стоял Борис Годунов.

Вот в этом и заключалось начало новой эпохи.

Борис не имел крови великих князей.

Не принадлежал к тем древнейшим родам, которые могли перечислить предков так далеко, что любой спор становился родословной.

Зато обладал другим.

Умом.
Терпением.

Способностью ждать.

И главное — родством с царём через Ирину.

Тимофей увидел его в первый же день после смерти Ивана.

— Ты Тимофей? — спросил Годунов.

— Да.

— Тот самый?

— Смотря что рассказывают.

Борис улыбнулся.

— Хороший ответ.

— При дворе другие опасны.

— При дворе опасны все ответы.

Он прошёл дальше.

Тимофей посмотрел вслед.

Семён, стоявший у стены, тихо сказал:

— Вот этот будет важнее всех.

— Почему?

— Не торопится показать.

— Многие не торопятся.

— Но большинство потому, что боятся.

— А он?

Семён посмотрел на закрывшуюся дверь.

— Потому что знает время.

Глава 2. Пятеро

Перед смертью Ивана вокруг наследника предполагали создать круг сильных людей.
Бояре.

Родственники.

Опытные государственные деятели.

Система должна была удержать равновесие.

На бумаге равновесие всегда выглядит разумно.

В жизни каждый человек считает, что именно его вес недооценили.

Бельские.

Шуйские.

Мстиславские.

Романовы.

Годуновы.

Старые роды смотрели на Бориса и видели человека, поднявшегося слишком высоко.

Борис смотрел на старые роды и видел людей, считающих власть наследственным имуществом.

Тимофей сказал Семёну:

— Начинается.

— Что?

— Борьба.

— Она не прекращалась.

— Теперь другая.

— Почему?

— При Иване спорили, кто ближе к государю.

— А теперь?

— Кто будет государем рядом с государем.

Семён усмехнулся:

— Фальку понравилось бы.

Тимофей резко посмотрел.

Имя давно умершего человека всё ещё имело неприятную силу.

— Не начинай.

— Я не про заговор.

— Тогда?

— Про среду.

Он вспомнил слова Генриха Фалька.

Создать не решение.

Создать среду, в которой одно решение становится легче другого.

Тимофей посмотрел на Кремль.

Теперь никто не подбрасывал поддельного списка.

Не требовалось.

Власть сама производила достаточно подозрений.

Глава 3. Бельский

Богдан Бельский был одним из тех, кому Иван доверял в последние годы.

И именно поэтому после смерти царя доверять ему стали меньше.

Парадокс двора.

Слишком большая близость к прежнему государю становится угрозой при новом.

По Москве пошли слухи.

Бельский хочет посадить на престол царевича Дмитрия.

Бельский замышляет против Фёдора.

Бельский собирает вооружённых людей.

Бельский хочет вернуть порядки Ивана.

Каждый новый рассказ был подробнее предыдущего.

Тимофей слушал.

— Доказательства?

Ему отвечали:

— Все знают.

Он ненавидел эти два слова.

Все знают.

Так начиналась половина лжи, которую ему приходилось расследовать.

Толпа в Москве возбуждалась.

Бельский был удалён.

Первая фигура ушла с доски.

Семён сказал:

— Один.

— Не считай.

— Почему?

— Потому что начинаешь ждать следующего.

— Он будет.

— Знаю.

Глава 4. Угличский удел

Царевич Дмитрий был ребёнком.

Но в государстве ребёнок с правильным происхождением иногда опаснее взрослой армии.

Он был младшим сыном Ивана IV.

Рождён от Марии Нагой.

После смерти Грозного мальчик с матерью и родственниками находился в Угличе.

Формально далеко от московской власти.

Фактически — в её самом центре.

Потому что у Фёдора не было сына.

И каждый год без наследника делал значение Дмитрия больше.

Тимофей впервые услышал фразу:

— Если с Фёдором что-нибудь случится...

Он резко остановил говорившего.

— Не заканчивай.

— Почему?

— Потому что иногда предложение становится преступлением раньше точки.

Человек побледнел.

Тимофей ушёл.

Но сам уже закончил мысль.

Если Фёдор умрёт без наследника, возникнет вопрос о Дмитрие.

А рядом с вопросом о Дмитрие неизбежно возникнет вопрос о законности его рождения и брака Ивана с Марией Нагой.

И рядом с этим —

Борис Годунов.

Не потому, что Борис уже что-то сделал.

Потому что в политике подозрение часто строится не от поступка.

От выгоды.

Кому выгодно?

Тимофей всю жизнь знал, насколько опасен этот вопрос.

Выгода ещё не доказывает преступление.

Но почти всегда создаёт подозреваемого.

Глава 5. Борис

Годунов пришёл к власти не одним движением.

Это было бы слишком заметно.

Сначала он просто оказывался рядом там, где нужно решение.

Потом выяснялось, что именно его предложение удобнее.

Потом люди начинали обращаться к нему прежде, чем к тем, кто формально стоял выше.

Власть иногда захватывают.

А иногда она постепенно привыкает к одному человеку.

Фёдор доверял Борису.

Ирина была его сестрой.

Это значило больше любого указа.

Однажды Тимофея вызвали.

Годунов стоял у окна.

— Ты занимался поддельными грамотами?

— Было.

— Хорошо занимался?

— Иногда оставался жив.

— Значит, хорошо.

На столе лежало письмо.

— Посмотри.

Тимофей не прикоснулся.

— Откуда?

Борис улыбнулся.

— Верно.

— Что?

— Ты первым спросил не что написано.

— Иначе нельзя.

— Можно. Все остальные сначала читают.

Тимофей взял.

Письмо якобы исходило из Углича.

В нём говорилось о людях, готовых поддержать права Дмитрия в случае смерти Фёдора.

— Настоящее? — спросил Борис.

— Не знаю.

— Что нужно?

— Происхождение.

— Получено через человека из Ярославля.

— Имя?

Назвал.

— Кто ему дал?

— Не знает.

— Значит, пока это не доказательство.

— Но содержание возможно.

— Возможность не делает бумагу истинной.

Годунов внимательно посмотрел.

— Ты говоришь так со всеми?

— С Иваном говорил.

— И выжил.

— Как видишь.

— Тогда скажи ещё одно.

— Что?

— Если бумага поддельная — кто хочет, чтобы я в неё поверил?

Тимофей впервые понял, почему Борис опасен.

Не потому, что верил удобному доказательству.

Потому что первым спросил, кому выгодно его убедить.

Глава 6. Первый след

Бумагу проверяли неделю.
Почерк неизвестен.
Чернила обычные.
Печати нет.
Но бумага происходила из партии, которую покупали несколько приказов и торговых дворов.
Ничего.
Почти ничего.
Потом Фёдор, молодой ученик Тимофея, нашёл мелочь.
В левом поле — точка.
Не чернильная клякса.
Прокол.
Ещё один выше.
— Что это?
Тимофеем присмотрелся.
— Бумагу крепили.
— К чему?
— Возможно, к другой странице.
— Значит, была книга?
— Или пачка.
Они нашли поставщика.
Потом покупателя.
Потом человека, получившего несколько листов.
След привёл не в Углич.
В Москву.
К дому одного из людей, связанных с Шуйскими.
Семён спросил:
— Арестовываем?
Тимофей покачал головой.
— Нет.
— Почему?
— Потому что пока мы знаем только, что бумага была у человека.
— А письмо?
— Мог написать он.
— Значит?
— Мог не написать.
Семён рассмеялся.
— Столько лет, а ты всё ещё терпишь неизвестность.
— Иначе давно убил бы половину Москвы.

Глава 7. Шуйский

Василий Иванович Шуйский был человеком, которого трудно было не заметить.

Рюрикович.

Знатнейший род.

Ум.

Гибкость.

Амбиция, которую он умел прятать тогда, когда требовалось.

Он встретил Тимофея спокойно.

— Ищешь бумагу?

Тимофей не показал удивления.

— Какую?

— Вот поэтому говорят, что ты хорош.

— Кто говорит?

— Все.

— Плохой источник.

Шуйский улыбнулся.

— Хорошо.

— Бумага действительно была у твоего человека?

— Возможно.

— Кто написал письмо?

— Не знаю.

— Оно выгодно тебе.

— Почему?

— Усиливает подозрение против Годунова, если тот начнёт преследовать Углич.

— А если не начнёт?

Шуйский развёл руками.

— Тогда бумага бессмысленна.

— Значит, проверка его поведения?

Шуйский посмотрел внимательнее.

— Вот теперь интересно.

Тимофей понял.

Перед ним был человек того же интеллектуального типа, что Борис.

Оба видели второй ход.

Проблема заключалась в том, что государство редко выдерживает слишком много людей, каждый из которых постоянно думает на ход дальше другого.

Глава 8. Тихий царь

Фёдор Иоаннович любил колокола.

Это знали.

Рассказывали почти как доказательство его непригодности к власти.

Тимофей однажды увидел государя на колокольне.

Фёдор слушал звон.

— Красиво, — сказал он.

— Да, государь.

— Отец не любил, когда я долго здесь.

Тимофей молчал.

— Считал, что царю надо заниматься другими делами.

— Дел много.

Фёдор посмотрел.

— А ты думаешь, я слабый?

Вопрос застал врасплох.

— Я не...

— Думаешь.

Тимофей выбрал честность.

— Думаю, ты другой.

— Это мягкий ответ.

— Правдивый.

Фёдор улыбнулся.

— Борис говорит, что иногда мягкость тоже власть.

— Бывает.

— А отец?

Тимофей посмотрел на Москву.

— Твой отец считал, что власть должна быть видна.

— А я думаю, если её всё время показывать, люди начинают смотреть только на неё.

Тимофей впервые увидел в Фёдоре то, чего не замечали многие.

Он действительно понимал природу отца.

Просто выбрал иной способ жить с властью.

— Государь.

— Что?

— У тебя есть сын?

Фёдор помрачнел.

— Нет.

Тимофей сразу пожалел о прямоте.

Но вопрос уже был произнесён.

Фёдор тихо сказал:

— И вся Москва считает мои будущие похороны.

Тимофей не ответил.

Потому что государь был прав.

Глава 9. Патриарх

1589 год.

Москва получила патриарха.

Для государства это было больше церковного титула.

Русская церковь становилась самостоятельнее в иерархическом смысле.

Москва утверждала себя не только мечом и землями.

Символом.

Первым патриархом стал Иов.

Борис участвовал в этих больших церковно-политических движениях не как случайный придворный.

Он уже был человеком, через которого проходила огромная часть управления.

Тимофей наблюдал.

— Он строит власть красиво, — сказал Семён.

— Что значит красиво?

— Так, что многое полезно государству.

— А это плохо?

— Наоборот.

— Тогда почему говоришь таким голосом?

Семён усмехнулся.

— Потому что самый трудный вопрос о сильном политике — где заканчивается польза государства и начинается его собственная.

— Иногда нигде.

— Именно.

Глава 10. Северная война

Швеция.

Нарва.

Ивангород.

Ям.

Копорье.

Старые раны Ливонской войны снова оживали.

Фёдорово царствование не оказалось временем одной молитвы.

Россия снова воевала.

Борису требовалось вернуть хотя бы часть того, что было потеряно в последние годы Ивана.

Тимофей услышал о русских успехах и подумал:

старый государь был бы доволен.

Но история редко даёт человеку увидеть продолжение собственной мечты.

Там, где Иван заплатил огромную цену и не получил желаемого, следующая эпоха возвращала часть утраченного уже другим способом.

Без прежнего размаха.

Без идеи покорить всю Ливонию.

Более ограниченно.

Иногда государство взрослеет тогда, когда начинает отличать цель от максимума.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

УГЛИЧ

Глава 11. Пятнадцатое мая

День начинался обычно.
Именно поэтому трагедия потом казалась ещё страшнее.
Царевич Дмитрий вышел играть.
Дети.
Двор.

Нож

Игра, в которой использовался острый предмет, была сама по себе небезопасной.
Но никто утром не думал об истории.
Ребёнок мог быть наследником возможного престола.
Для тех, кто играл рядом, он был мальчиком.
Потом случилось несколько секунд.
И эти секунды Россия будет обсуждать столетиями.
Крик.
Падение.
Кровь.
Мария Нагая.
Набат.
Толпа.
Убийства людей, которых немедленно объявили виновными.
Когда московский гонец выехал из Углича, царевич уже был мёртв.
Но дело только начиналось.

Глава 12. Московское известие

Борис прочитал сообщение.

Один раз.

Второй.

— Кто видел?

— Многие.

— Кто был рядом?

Ему перечислили.

— Что говорит мать?

— Убийство.

— Кого обвиняет?

Назвали.

Годунов закрыл глаза.

Именно его враги будут вспоминать это мгновение потом.

Скажут:

испугался.

Скажут:

обрадовался.

Скажут:

уже знал.

Но человеческое лицо плохо подходит для исторического доказательства.

Борис сказал:

— Следствие.

— Кого отправить?

Он ответил не сразу.

— Шуйского.

Человек напротив удивился.

— Князя Василия?

— Да.

— Но он...

— Именно.

— Что именно?

Годунов посмотрел.

— Если отправлю своего человека, никто не поверит результату.

Решение было разумным.

И всё равно потом станет частью обвинения.

В политическом деле даже правильный шаг способен выглядеть уликой.

Глава 13. Тимофей получает приказ

— Едешь с Шуйским.

Тимофей посмотрел на Бориса.

— По чьему приказу?

— Государеву.

— А твоему?

— Тоже.

— Это разные приказы?

Годунов усмехнулся.

— Именно поэтому ты едешь.

— Что искать?

— Правду.

— Удобную?

Борис перестал улыбаться.

— Любую.

— Даже если она против тебя?

Пауза.

— Особенно если против меня.

Тимофей смотрел.

Можно было произнести такие слова ради эффекта.

Можно действительно понимать, что дело слишком велико для удобной версии.

Он пока не знал, что именно стоит перед ним.

— Я запомню.

— Что?

— «Любую».

Борис кивнул.

— Запоминай.

Глава 14. Дорога, на которой уже всё решили

До Углича ехали быстро.

Шуйский почти не разговаривал.

Тимофей сначала решил, что князь обдумывает дело.

Потом понял: Василий Иванович обдумывает не только дело.

Он обдумывает Москву после дела.

Это была существенная разница.

— Ты уже знаешь, что произошло? — спросил Тимофей.

Шуйский посмотрел на него.

— Если бы знал, зачем ехал бы?

— Многие едут расследовать то, что уже решили.

— Ты про меня?

— Про всех.

Шуйский усмехнулся.

— Поэтому Годунов тебя и послал?

— Государь послал.

— Разумеется.

Несколько вёрст ехали молча.

Потом князь произнёс:

— Убийство царевича выгодно Борису.

Тимофей не ответил.
— Ты не споришь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.